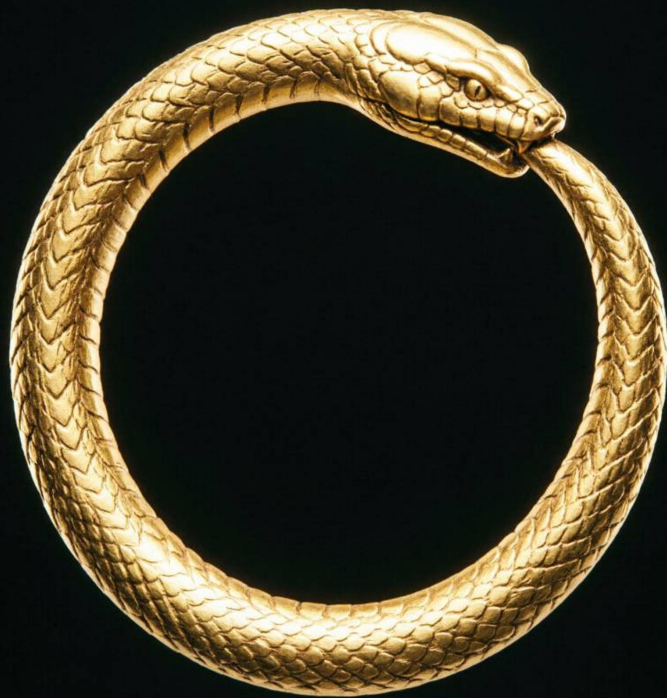

10348 Минут до рассвета

*Эол К.
Джей*

Эол Джей

10348 Минут до рассвета

<https://litres.ru/73967696>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первая книга трилогии.

Жизнь московского наследника рушится в одночасье: отец-миллиардер блокирует его счета и отправляет в суровую глушь Алтая на поиски сбежавшей младшей сестры. То, что начинается как вынужденная миссия по спасению семейной репутации, быстро превращается в напряжённое путешествие по легендарному Чуйскому тракту. За колючим цинизмом и ядовитыми словами сестры скрывается не подростковый бунт, а глубокая, тщательно оберегаемая правда, ради которой она готова пойти до конца.

Содержание

Вступление	4
Глава 1. Крах золотого мира	6
Глава 2. Сделка	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эол К. Джей

10348 Минут до рассвета

Вступление

Давно это было, когда горы были молоды, а небо — низко. Родилась у Горного Отца дочь — Катунь. Была она величава и грозна.

Вода её — ледяная, прозрачная, как слеза, и острая, словно нож. Катунь ненавидела ложь. Брось в её волны фальшивую монету — и она вышвырнет её на берег. Подойди к ней в чужой маске — и Катунь смоет личину вместе с кожей. Она мчалась быстро и яростно, разбивая камни своей правдой. Но в этой правде она была одинока. А правда всегда одинока.

И был у неё брат — безымянный, тихий, сотворённый из камня и пыли. Он не умел течь. Он умел только лежать. Но сестру он любил больше жизни. Видя, как Катунь мечется в тесных ущельях и бьётся о скалы в поисках пути к морю, брат решил стать её дорогой.

Он начал расти. Не вверх, к солнцу, а вперёд и вниз, вслед за сестрой. Пробивался сквозь гранит, ломал хребты, уходил под землю и снова вырывался наружу. Каждый камень на его спине оборачивался болью. Каждая извилина была попыткой обнять сестру, не касаясь её, чтобы не осквернить чи-

стые воды земной пылью.

Люди называли его Чуйским трактом.

Долго он следовал за Катунью. Через глухую тайгу, где деревья шептали проклятия. Через знойные степи, где ветер высушивал глаза. Через перевалы, где воздух был разрежен, словно сама истина. Катунь бежала впереди, смеясь и плача, а Тракт стелился позади, принимая на себя тяжесть колёс, грязь, кровь и дорожную пыль.

И вот, спустя тысячи лет, они достигли края, где горы смыкаются с небом. Катунь остановилась. Она поняла: бежать больше некуда. Правда не должна течь, если за ней стелется путь из боли и пыли.

И тогда Чуйский Тракт совершил невозможное. Он не повернул назад. Он замкнулся кольцом. Он обнял сестру не снаружи, а изнутри самого времени.

Так родилось Золотое кольцо Алтая. Не из золота, а из предрассветного света, что отражается в волнах Катунь и пыли Чуйского тракта.

Говорят, тот, кто проедет по этому кольцу с чистой душой, увидит своё истинное лицо в глазах Катунь. Тот же, чьё сердце полно лжи, обречён кружить здесь вечно — пока маска не спадёт сама, не рассыплется в прах.

Катунь не терпит масок. Чуйский тракт не прощает лжи. А вместе они — вечный круг, где конец всегда становится началом. вступление

Глава 1. Крах золотого мира

10 348 минут до рассвета

Женя любил скорость не потому, что она была опасной. Он любил её потому, что она заглушала мысли. Новая спортивная «Порше», купленная отцом ровно неделю назад, летела по ночной Новой Риге, разрезая фарами густой, липкий московский туман. Спидометр перевалил за сто восемьдесят, но Женя даже не напрягался. Руль в его ладонях казался продолжением собственной нервной системы: лёгкий, отзывчивый, предсказуемый. Всё в этой машине, как и всё в его жизни, было откалибровано под комфорт. Кожаный салон пах дорогой отделкой и едва уловимым сладковатым ароматом кондиционера. Сенсорная панель мерно переключала треки, глуша басами вибрацию двигателя.

Ему было двадцать шесть. Его лицо, отражающееся в зеркале заднего вида, беззастенчиво угадывало породистую геометрию парней с обложек глянца: чёткие скулы, холодный разрез глаз, рот, привыкший к улыбкам, которые ничего не значат. В кармане дизайнерского худи лежала безлимитная золотая карта. Тяжёлая, холодная, как кусок металла, который можно было обменять на любой каприз.

Жизнь Жени была чертовски дорогой, предсказуемой и до тошноты комфортной. Он был типичным продуктом столичной «золотой молодёжи»: закрытые клубы с фейс-контро-

лем, VIP-ложи, где воздух пах деньгами и парфюмом, друзья, чьи имена забывались к утру, и девушки, которые любили марку его автомобиля и радиус его влияния. Женя это знал. Ему было плевать. В его мире искренность считалась слабостью, а слабость — непозволительной роскошью. Зачем чувствовать что-то настоящее, если можно просто купить очередной суррогат? Заменить пустоту алкоголем, одиночество — шумом, а отсутствие смысла — скоростью?

Через сорок минут он уже стоял у барной стойки в самом пафосном клубе на Патриарших. Вокруг грохотали басы, от которых вибрировали рёбра. Воздух был пропитан запахом пота, элитного алкоголя и чужой безнадёжности. Женя скользил ленивым, сытым взглядом по лицам тусовщиков. Все они казались ему одинаковыми, сделанными под копирку. Фальшивые улыбки, фальшивый статус, фальшивая свобода. Он сделал глоток виски. Лёд ударил по зубам, спирт обжёг горло, но внутри не появилось ничего, кроме привычной, вязкой тяжести.

Экран его телефона, лежащего на мраморной стойке рядом с недоеденной оливкой, внезапно вспыхнул. Имя «Отец» на дисплее заставило Женю поморщиться. Часы показывали три часа ночи. В такое время холодный, вечно занятый миллиардер, для которого дети были лишь частью пиар-имиджа и пунктом в ежегодном отчёте, звонил только в одном случае — если произошло что-то экстраординарное. Или катастрофическое.

— Да, пап, — Женя прижал трубку к уху, отойдя в более тихую зону у панорамного окна. За стеклом Москва казалась чёрной дырой, усеянной огнями, которые не согревали.

— Через сорок минут ты должен быть в моём кабинете, — раздался в трубке сухой, лишённый эмоций голос отца. Голос, который не приветствовал, не спрашивал, не извинялся. Голос, который информировал. — Твоя сестра устроила очередную глупость. Дело серьёзное, Женя. Жду.

Короткие гудки. Звук, похожий на щелчок затвора. Женя раздражённо выдохнул, залпом допил остатки виски и бросил на стойку несколько крупных купюр, даже не дождавшись сдачи.

Анна. Конечно же, это была она. Его младшая сестра, двадцатиоднолетняя циничная интеллектуалка, которая вечно смотрела на весь их семейный лоск как на кучу мусора. Анна всегда была для семьи «проблемой». Пока Женя послушно играл роль идеального сына-наследника, Анна демонстративно закрывалась в своей комнате со сложными книгами, язвила отцу прямо в лицо и исчезала из семейных фотографий. У Жени с ней были натянутые, холодные отношения. Точнее, они научились виртуозно

игнорировать друг друга, живя в одном огромном доме. Женя считал её капризной стервой, которая просто привлекает к себе внимание, потому что не умеет существовать без чужого взгляда.

«Что на этот раз? — зло думал Женя, садясь за руль и

заводя мотор. — Сбежала с каким-нибудь художником-нищим? Решила устроить очередной громкий скандал в прессе?»

Он ещё не знал, что его сытая, глянцева жизнь в Москве только что закончилась. И что этот ночной звонок — первая секунда в обратном отсчёте десяти тысяч трёхсот сорока восьми минут.

Особняк отца в Жуковке встретил Женю мёртвой, давящей тишиной. Ни звука, кроме приглушённого шуршания шин по гравию и тихого гула вентиляции, гоняющей фильтрованный воздух. Этот дом всегда напоминал Жене музей или элитный склеп — безупречно дорогой, стерильный и напроць лишённый тепла. Здесь даже пыль, казалось, боялась оседать на поверхностях. Женя поднялся на второй этаж и без стука толкнул массивную дубовую дверь отцовского кабинета.

Отец стоял у панорамного окна, спиной к двери. Его высокая, прямая фигура в безупречном домашнем костюме казалась высеченной из тёмного гранита. На полированном столе из чёрного дерева царил идеальный порядок, нарушаемый лишь одной деталью — там лежала пустая раскрытая шкапулка Анны и её выключенный телефон. Экран был чёрным. Мёртвым, как её профиль в социальных сетях.

— Ты опоздал на шесть минут, — сухо, не оборачиваясь, произнёс отец. Его голос, как всегда, напоминал зачитывание биржевых сводок. — Впрочем, как обычно.

— На дорогах туман, пап, — Женя небрежно упал в глубокое кожаное кресло и вытянул ноги. Ему хотелось показать, что ему всё равно. Что это просто очередная семейная разборка, которую можно купить или замолчать. — Так чтостряслось? Какую ещё катастрофу государственного масштаба устроила наша домашняя меланхоличка? Потребовала долю в компании на покупку редких книг?

Отец медленно повернулся. Его ледяной, сканирующий взгляд заставил Женю подсознательно подобрать ноги и выпрямиться. Юмор здесь не работал. Никогда.

— Анна исчезла, — отец подошёл к столу и опёрся на него ладонями. Костюм не смялся. Ни складки. — Вчера утром она просто собрала один рюкзак и ушла. На моём столе она оставила записку. Всего три слова: «Уехала на рассвет». Её телефон отключён, все аккаунты удалены. Почистила всё. Даже почту.

Женя равнодушно хмыкнул, доставая из кармана свой смартфон. Он не хотел смотреть на пустую шкатулку. Не хотел чувствовать, как внутри начинает шевелиться что-то неудобное, похожее на тревогу.

— И из-за этого ты сорвал меня из клуба? Пап, ей двадцать один год. У неё очередной экзистенциальный кризис. Покатается по Москве, поживёт в каком-нибудь зачуханном отеле без спа-зоны и вернётся, когда поймёт, что мир устроен немного сложнее, чем в её книгах.

— Её отследили, Женя, — резко перебил отец, и в его

голосе впервые звякнула опасная сталь. — Моя служба безопасности подняла дорожные камеры. Она долетела до Новосибирска, взяла в аренду старый внедорожник, потом поехала в сторону Горного Алтая. На Чуйский тракт. По последним данным, она остановилась в придорожном отеле в Майме.

Женя на секунду завис, переваривая информацию. Алтай? Дикая горы, перевалы, глушь на границе с Монголией, придорожный отель. Это вообще не вязалось с Анной, которая из дома-то выходила только в университет или закрытые кофейни, где заказывала матчу и смотрела в окно, как будто ждала, что мир сам придёт к ней.

— Зачем ей туда? — нахмурился Женя.

— Мне плевать, зачем, — отрезал отец, выпрямляясь. — Через две недели я подписываю ключевой международный контракт с азиатскими инвесторами. Репутация моей семьи должна быть кристально чистой. Мне не нужны заголовки в прессе о том, что дочь миллиардера шляется автостопом по шаманским деревням и ночует в лесу. Ты полетишь за ней, Женя. Прямо утром. Настигнешь её на этом тракте и притащишь в Москву. Силой, если потребуется.

Женя подскочил с кресла, чувствуя, как внутри закипает глухая, вязкая ярость. Она поднялась не из-за слов, а из-за тона. Из-за того, как легко отец перешагнул через его планы, его время, его жизнь.

— Ты издеваешься? У меня завтра сделка по новому про-

екту, вечером закрытая вечеринка у Глеба, у меня планы на выходные! Почему я должен бросать свою жизнь и тащиться в какую-то сибирскую тайгу за твоей чокнутой дочерью, которая просто бесится от жира?! Отправь свою охрану, пусть они её упакуют!

Отец посмотрел на него так, словно перед ним был не сын, а бракованный товар на конвейере. Он не стал кричать. Он медленно, с пугающим спокойствием кивнул в сторону массивной дубовой двери, которая до этого момента казалась частью стены.

Дверь бесшумно отворилась. На порог шагнул высокий мужчина в строгом чёрном костюме — глава службы безопасности отца. Его лицо было непроницаемым, как маска.

— Евгений, — произнёс отец, даже не глядя на вошедшего, продолжая смотреть на Женю. — Передай карту.

Женя замер. Холод пополз по спине.

— Что?

— Золотую карту. Из внутреннего кармана худи. Сейчас же, — голос отца звучал тихо, но в этой тишине он прозвучал как приказ расстрельной команды.

Женя инстинктивно прижал руку к груди, где под тканью лежал холодный пластик.

— Пап, ты серьёзно? Это мои личные средства, это...

Охранник сделал шаг вперёд. Один единственный шаг, но пространство между ними схлопнулось. В его позе не было агрессии, только готовность выполнить задачу любой ценой.

Женя понял: если он не отдаст карту сам, её заберут силой, вместе с рёбрами.

Сжимая кулаки, чувствуя, как кровь приливает к лицу от унижения, Женя медленно вытащил тяжёлую золотую карту. Пластик блеснул в свете ламп. Он швырнул её на полированный стол отца. Карта скользнула по чёрному дереву и остановилась у края, рядом с пустой шкатулкой Анны.

Отец даже не посмотрел на неё. Он лишь чуть заметно кивнул охраннику. Тот подошёл, взял карту двумя пальцами, словно грязную салфетку, и исчез за дверью. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

— Все твои счета заблокированы. Личные, корпоративные, резервные, — спокойно произнёс отец, наконец отводя взгляд от двери и снова впиваясь в глаза сына. — Спортивную машину у ворот через пять минут заберёт мой водитель. Билет до Новосибирска на утренний рейс уже у тебя на почте. Эконом-класс, Женя. Чтобы ты лучше думал.

— Папа! — Женя шагнул к столу, его лицо горело от унижения. Ощущение наготы, беспомощности было физическим. Его лишили не просто денег, его лишили идентичности.

— Если через три дня Анна не будет сидеть в этом кабинете, ты останешься на улице. Без копейки, без имени и без будущего. Ты пойдёшь работать разнорабочим, Женя, и поверь, я сделаю так, что тебя не возьмут даже дворником. У тебя три дня, чтобы вернуть карту и свою красивую жизнь.

Свободен.

Женя стоял посреди кабинета, сжимая кулаки. В этот момент он ненавидел отца за его бездушную силу, за то, как легко тот превращал людей в функции. Но ещё сильнее он ненавидел Анну. Эту эгоистичную, высокомерную стерву, которая одним своим дурацким капризом сломала его идеальный, выверенный мир.

«Я найду тебя, мелкая дрянь, — бешено стучало в его голове, когда он быстрым шагом спускался по мраморной лестнице к выходу. — Найду, свяжу и лично затолкну в самолёт. А потом заставлю на коленях просить прощения за то, что ты со мной сделала».

Холодный ночной воздух ударил в лицо, когда он вышел на крыльцо.

Ворота особняка уже открывались. Где-то в темноте гудел двигатель. Его время истекало. Обратный отсчёт начал свой ход.

Глава 2. Сделка

9 208 минут до рассвета

Мир без золотой карты оказался серым, душным и оглушительно громким. Он пах чужим потом, дешёвым пластиком и безысходностью.

Женя сидел на узком кресле в самом хвосте самолёта, зажатый между тучным мужчиной, который уснул сразу после взлёта и мерно храпел ему в плечо, и плачущим ребёнком через проход. Колени упирались в жёсткую спинку переднего сиденья, превращая четырёхчасовой перелёт в пытку для суставов. В салоне пахло растворимым кофе, затхлым воздухом рециркуляции и чужой усталостью. За время полёта он осознал простую вещь: ад существует, и в нём точно нет бизнес-класса. Каждая минута была пыткой. Медленным, методичным стиранием его личности.

Новосибирск встретил его не как столица Сибири, а как серая, давящая пасть. Небо нависало низко, свинцовое и тяжёлое, ветер пронизывал насквозь, пробираясь под тонкую ткань дизайнерского худи, которое ещё утром пахло дорогим парфюмом. Женя вышел из терминала, щурясь от холода. Его телефон вибрировал в кармане — уведомления от банков, сообщения от друзей, вопросы от ассистента. Он игнорировал их все. Ему нужны были деньги. Не миллионы, не инвестиции. Ему нужны были наличные, чтобы просто дви-

гаться дальше. Чтобы добраться до той стервы, которая разрушила его жизнь одним звонком.

Он направился к ближайшему банкомату, стоящему в углу за автобусной остановкой, рядом с киоском «Пресса». Женя достал из внутреннего кармана худи свою личную дебетовую карту Visa. Не ту, золотую, которую отец забрал как символ власти, а эту — для карманных расходов, которой он обычно оплачивал кофе, даже не глядя на чек. Пластик скользнул внутрь с тихим механическим щелчком. Женя набрал ПИН-код. Его пальцы, длинные и ухоженные, дрожали от холода и напряжения. Экран моргнул. Загрузка. И затем появились цифры.

Доступно: 60348,00 RUB.

Женя замер. Мир вокруг словно выключили. Шум толпы, гул проезжающего транспорта, шаги людей — всё исчезло, оставив только звенящую тишину в голове. Шестьдесят тысяч. Рублей. Он нажал кнопку «Баланс» ещё раз. Цифры не изменились.

Для Жени, который вчера вечером оставил официанту на Патриарших чаевые в размере десяти тысяч рублей, эта сумма была не просто маленькой. Она была оскорбительной насмешкой. Цена одного ужина в хорошем ресторане. Стоимость пары кроссовок. Ничто. Пустота.

— Что?.. — выдохнул он, и голос прозвучал чужим, сиплым от ужаса.

Отец не просто заблокировал основные счета. Он провёл

хирургическую операцию по отсечению всего лишнего. Он оставил Жене ровно столько, чтобы тот не умер голоду в дороге, но недостаточно, чтобы чувствовать себя человеком. Достаточно, чтобы купить билет на автобус. Недостаточно, чтобы купить достоинство.

Женя почувствовал, как внутри поднимается волна холодной, вязкой паники. Он посмотрел на расписание. Новосибирск. Бийск. Майма.

Настоящий кошмар начался, когда он понял, что альтернативы нет. Двенадцать часов в старом, дребезжащем междугороднем автобусе до Бийска окончательно растоптали его эго. Салон вонял бензином, жареной мукой и чужой едой из шуршащих пакетов. Окна запотели, создавая конденсат, который капал на воротник. Подвеска отбивала поясницу на каждой кочке, превращая позвоночник в один сплошной синяк. Он не спал уже больше суток. Глаза горели сухим огнём бессонницы. Дизайнерское худи, когда-то безупречно белое, теперь покрылось пятнами пыли, помялось и потеряло форму. На лице проступила тёмная, колючая щетина. В глазах горела глухая, бешеная ярость, смешанная с новым, незнакомым чувством — страхом бедности.

В Бийске он едва дополз до привокзальной площади и буквально рухнул на заднее сиденье такси до Маймы. Старый «Ларгус» пах перегаром, дешёвым табаком и застарелым потом предыдущих пассажиров. Спидометр дрожал на ста десяти, стрелка скакала, как пульс у больного. Водитель,

молчаливый мужчина с жёлтыми зубами, курил в приоткрытую форточку, пуская дым прямо в салон. Счётчик безжалостно щёлкал, отсчитывая рубли. Каждое новое показание било по нервам Жени, как удар хлыстом. Никаких личных ассистентов. Никаких машин с водителем. Только чужой салон, чужой маршрут и он сам.

Такси свернуло с трассы на разбитую грунтовку, подпрыгнув на колдобинах так, что у Жени заложило уши, а голова ударилась о потолок. Водитель притормозил у низкого деревянного здания с выцветшей, облупившейся вывеской «КАФЕ». Здание стояло на самом въезде в Майму, прямо у асфальтового старта Чуйского тракта. За грязными окнами виднелись ржавые баки, покосившиеся фонарные столбы и бескрайнее, затянутое чёрными тучами небо.

— Тут, — хрипло бросил водитель, не выключая мотор. — Плати.

Женя молча, дрожащими от холода пальцами пересчитал мятые купюры. Их осталось мало. Он сунул их в протянутую ладонь водителя, даже не дожидаясь сдачи. Ему было плевать на всё, кроме цели. Водитель, не проронив ни слова, включил передачу и уехал, подняв облако серой пыли.

Женя остался один. Вокруг — ни души. Только ветер, гоняющий сухую, ломкую траву по обочине, и тяжёлый, пропитанный соляжкой и пылью воздух. Он поправил воротник худи, сделал глубокий вдох, чувствуя, как холод обжигает лёгкие, и толкнул дверь кафе.

Колокольчик над дверью звякнул хрипло, будто подавился собственной ржавчиной. Внутри пахло жареным луком, прогорклым маслом и сыростью. Люминесцентные лампы под потолком мигали, издавая противный жужжащий звук, отбрасывая на линолеум тусклый, мертвенный свет. За тремя покосившимися столами сидели дальнобойщики в засаленных куртках, лениво помешивая чай в гранёных стаканах. Касса за перегородкой была пуста. Продавщица, полная женщина в растянутом свитере, смотрела в телевизор, где шёл какой-то сериал.

И только у самого дальнего окна, лицом к стеклу, за которым уже синели первые отроги гор, сидела она. Анна.

Она выглядела так, будто время для неё остановилось, выпав из общего потока. Длинное платье, поверх которого была надета синяя джинсовка, скрывало её хрупкость. Тёмные, длинные волосы, спутанные и небрежно зачёсанные назад, выбивались прядями, обрамляя бледное лицо. На столе перед ней лежала толстая книга в твёрдом переплёте. Рядом остывала чашка с тёмной жидкостью. Она листала страницу за страницей, медленно, вдумчиво, не поднимая головы. Не обернулась на звук двери. Не дрогнула, когда вошёл он.

Женя подошёл к её столику. Его тень упала на страницы книги.

— Встала. Собрала вещи. И пошла в машину, — процедил он сквозь зубы, а его голос дрожал от едва сдерживаемого бешенства, от усталости и от того унижения, которое

он испытал. — Из-за твоих idiotских капризов отец заблокировал все мои счета. У тебя ровно пять минут, чтобы поехать со мной в аэропорт, иначе я запихаю тебя в багажник силой, клянусь тебе.

А

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.